

Введение

Современный мир переживает период трансформации. Военно-политическая обстановка (далее — ВПО) развивается по военно-силовому сценарию, и среда международной безопасности становится все более сложной. Усиливающееся противостояние различных многочисленных политических, экономических и военных сил, необходимость их сдерживания требуют последовательного и кропотливого рассмотрения всех возможных факторов, национальных интересов и угроз с тем, чтобы получить объективное представление о возможных состояниях ВПО, о процессах формировании угроз национальной безопасности Российской Федерации, о вероятных источниках возникновения войн и вооруженных конфликтов.

Мир превратился в принципиально новую систему взаимоотношений цивилизаций, государств, центров силы — и тенденций, радикально меняющих мироустройство, а значит, как следствие, и нового миропорядка, который пытаются сформировать США и НАТО с помощью военных и невоенных средств и способов силового принуждения.

Угрозы стабильности и безопасности все чаще возникают в «серой зоне» (далее — СЗ), где государственные и негосударственные субъекты скрытно используют гибридные тактики, такие как дезинформация или кибератаки, а определение источников многих угроз представляет очень непростую задачу.

Кибератаки, информационно-психологическая война и ее важные части — когнитивная война (война за сознание населения) и дезинформационные кампании в социальных сетях создают альтернативные реальности, направленные на дестабилизацию государств и их коалиций без использования в этих целях силовых способов воздействия.

Наряду с наращиванием военных приготовлений и повышением военной активности США и НАТО общее направление подобным способам воздействия на национальную безопасность России придает стратегия гибридной войны (далее — ГВ), построенная на сочетании военных и невоенных инструментов и создающая неопределенности и трудно прогнозируемые риски. Такая особенность стратегии значительно затрудняет ситуационную осведомленность органов гражданского и военного управления и, следовательно, согласованное и быстрое принятие решений.

В этих условиях повышенное внимание уделяется вопросам совершенствования способности Российской Федерации осуществлять стратегическое сдерживание.

Оно предусматривает:

- проведение комплекса мероприятий со стороны государства, Министерства обороны и других государственных структур и включает создание необходимой оборонной мощи государства, опирающейся на все возрастающие экономические возможности, высокотехнологическую оборонную промышленность;
- проведение активной упреждающей политико-дипломатической и информационной деятельности по предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций мирными, политическими средствами, организацию эффективного информационного противоборства,
- поддержание, подкрепление военными средствами политико-дипломатических, экономических, информационных и других акций по обеспечению оборонной безопасности невоенными средствами, а при необходимости демонстрацию военного присутствия и военной силы.

Мощный импульс пересмотру доктрин сдерживания придал выход России из безвременья 90-х, что подтолкнуло правящие круги США и НАТО к изобретению мифов о якобы возрождающейся «агрессивной» России, которую необходимо сдерживать и контролировать.

Дальнейшее развитие событий показало, что в обозримом будущем проблема сдерживания выходит на центральное место в политике национальной безопасности великих держав. Вашингтон к такому курсу подталкивает необходимость консолидации союзников против усиливающейся России и ведущейся ударными темпами модернизации в Китае, продолжающаяся деятельность Ирана по обогащению урана, сохраняющееся участие американцев в военных конфликтах, что создает нагрузку на вооруженные силы (далее — ВС).

В этих условиях доктрины стратегического ядерного и неядерного сдерживания противников и их сочетание в рамках комплексной модели «многослойного» сдерживания превращаются в заметный компонент национальной и международной безопасности во все более многополярном мире.

Глава 1

Трансформация современного мира и войны

1.1. Перелом в мировой политике

Хаотизация международных отношений, усиливающийся мировой беспорядок в период после распада СССР и завершения холодной войны, попытки выстраивания новой глобальной международной коалиции во главе с США приобрели новую угрожающую реальность в связи с обострением конкурентной борьбы между центрами силы во главе с западными лидерами (США, Европейский союз (далее — ЕС)) и не западными лидерами (Россия, Китай).

В условиях противоборства центров силы формируется полицентричная система, а мировая политика переживает острый кризис, связанный с большим количеством вызовов, в том числе военно-силового характера. Современный мир находится на переломе, обусловленном интенсивностью, непредсказуемостью и масштабом изменений, в числе которых растущее соперничество между США, Китаем и Россией, технологическая революция, которые в совокупности меняют каждый аспект мировой политики. Пандемии и другие биологические риски, эскалация климатического кризиса, кибер- и цифровые угрозы, международные экономические перебои в работе, затяжные гуманитарные кризисы, насильственный экстремизм и терроризм, распространение ядерного оружия (далее — ЯО) и других видов оружия массового уничтожения (далее — ОМУ) — все это создает глубокую и в некоторых случаях экзистенциальную опасность стабильному и предсказуемому развитию мировой политики. Старые структуры миропорядка в виде МВФ, МБРР и даже Организация Объединенных Наций (далее — ООН) не соответствуют глобальным вызовам. Необходима радикальная перестройка всей системы мирового порядка на новых условиях и принципах. На роль глобального «прораба» перестройки претендуют США.

На этом фоне развивается стратегическая конкуренция между США, Китаем, Россией и некоторыми другими государствами. Государственные и негосударственные субъекты, участвующие в конкуренции, не только развивают возможности для выигрыша, но уже выборочно используют их на глобальном и региональном уровнях.

В военно-политической сфере такие возможности охватывают все области боевых действий и географические границы. Они включают в себя гиперзвуковое оружие, современные баллистические и крылатые

ракеты, растущие ядерные запасы, а также противоборство в СЗ, где задействуются нетрадиционные силы, осуществляется манипулирование информацией, проводятся кибератаки и применяются меры экономического принуждения. Операции в СЗ остаются ниже уровней, превышение которых может вызвать вооруженный конфликт, допускают правдоподобное отрицание подрывных действий, позволяют вести масштабные агрессивные необъявленные ГВ, осуществлять цветные революции.

Новые достижения в области материалов, высокопроизводительных вычислений, робототехники, возможности искусственного интеллекта (далее — ИИ) и биотехнологий увеличивают и технологические возможности глобальных конкурентов.

Синергия воздействия перечисленных и некоторых других факторов приводит к глубокой трансформации как самих конкурентов, так и в целом мировой политики.

Трансформация мировой политики. Мировая политика представляет собой целенаправленную политическую деятельность субъектов международного права (государств, межправительственных и неправительственных организаций (далее — НПО), союзов и т.д.), связанную с согласованием их интересов, с решением вопросов войны и мира, выживания всего человечества, обеспечения всеобщей безопасности и разоружения, предотвращения и урегулирования глобальных, региональных и национальных конфликтов, охраны окружающей среды, преодоления отсталости и нищеты, голода и болезней, разрешения других глобальных проблем человечества, создания справедливого порядка в мире.

Трансформация современной мировой политики обусловлена рядом факторов, имеющих как объективный, так и субъективный характер.

Важная роль в обеспечении стабильности мировой политики традиционно отводится международным организациям. Однако сегодня существующие организации обеспечения международной безопасности и используемые ими политические инструменты пока не в состоянии оперативно реагировать на трудно предсказуемые масштабные изменения направленности и темпов глобальных трансформаций в мире.

Снижается роль традиционно важных инструментов мировой политики, которыми являются механизмы ограничения и самоограничения — ключевые функции поддержания порядка, миссию которого от лица всего международного сообщества пытаются выполнять международные организации — прежде всего ООН, а от своего собственного лица отдельные наиболее сильные державы. Самоограничение в миро-

вой политике предполагает, что, защищая и реализуя собственные интересы, любой субъект международных отношений должен учитывать в той или иной мере интересы других государств, мирового сообщества. К сожалению, примеров самоограничения в мировой политике становится все меньше, а роль международных организаций в применении ограничительных функций заметно снизилась.

Таким образом мировая политика, с одной стороны, учитывает стремление ее субъектов отстаивать собственные национальные интересы. С другой стороны, организации обеспечения международной безопасности как влиятельные субъекты мировой политики (прежде всего, это ООН) формулируют общие цели и задачи, стоящие перед всем человечеством.

Борьба за власть и влияние в мировом сообществе между государствами и их объединениями в решающей степени определяет содержание и динамику мировой политики. Движущей силой борьбы является стремление субъектов мировой политики обеспечить реализацию экономических, социальных, культурных и других интересов при помощи дипломатических, военно-стратегических, финансово-экономических, информационно-идеологических и других средств.

В целом направленность и темпы глобальных изменений современной мировой политики определяется совокупностью факторов, к числу которых относятся:

- конкуренция и использование силовых и не силовых способов борьбы за сохранение и расширение сфер геополитического влияния, завоевание преимущественных позиций в мировой экономике, на мировых финансовых и торговых рынках, в сфере глобальных коммуникаций, распространения идей и культур и др.;
- появление новых не государственных субъектов «вне суверенитета» не интегрированных в мировое сообщество и часто действующих без оглядки на международные признанные правила и нормы (транснациональные корпорации, сетевые формы международного терроризма, частные военные компании и некоторые другие);
- попытки отдельных государств и их коалиций применять силовые действия против другого государства без согласия Совета Безопасности ООН (например, агрессия НАТО против Югославии в 1999 г., военная акция США против Ирака в 2003 г., военные действия США и НАТО против Ливии, не санкционированное вмешательство США в Сирии, подрывные действия США в Венесуэле);
- появление эффективных дестабилизирующих стратегий и технологий (ГВ и цветные революции), направленных на десоверениза-

цию и разрушение отдельных государств, дестабилизацию целых регионов;

- угроза распространения ОМУ и средств его доставки;
- мощными дестабилизирующими факторами являются расширение НАТО и наращивание военной активности блока у границ России, развертывание элементов американской стратегической ПРО в Европе, агрессивное поведение США в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке;
- слом существующих международных договоров (Договор о ПРО, Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по открытому небу);
- серьёзным возмущающим фактором являются попытки не только дальнейшего расширения функций альянса за пределы установленной географической сферы ответственности, но и придание военно-политическому блоку спектра новых функций, ранее ему не присущих. Такая эволюция НАТО стала возможной в условиях перехода от однополярного мира к многополярному. При этом наблюдается резкое ослабление глобализационного проекта, который в течение длительного времени определял развитие мировой политики, в том числе и ее военной составляющей.

Появление новой Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в период правления Трампа в 2017 г., придало качественно новое содержание конкурентной дипломатии, проводимой основными международными игроками¹. В большинстве стратегий нацбезопасности США, разработанных после окончания холодной войны, соперники или конкуренты прямо не указывались. Публиковавшиеся президентом Биллом Клинтонем документы представляли мир в неконкурентном свете, а Стратегия национальной безопасности — 2015 президента Барака Обамы также была в существенной мере направлена на поиск компромиссных решений.

На этом фоне обнародованная Дональдом Трампом стратегия отличается от предыдущих заметной агрессивностью и нацеленностью на проведение широкого спектра силовых и несиловых действий, ориентированных прежде всего против России и Китая. Главный тезис документа: Китай и Россия вступили в эру соперничества с США, пытаясь отобрать «геополитические преимущества и изменить международный порядок в свою пользу», делают «свои экономики менее свободными, менее справедливыми, наращивают военные расходы,

¹ Стратегия национальной безопасности США – 2017. URL: <https://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=20585> (дата обращения: 24.03.2021).

контролируют информацию для подавления своих обществ и расширения собственного влияния».

Один из способов противостояния соперникам США предлагается в разделе документа «Мир через силу», в котором содержится прямой призыв к реализации так называемой «соревновательной стратегии». Такая стратегия должна фокусироваться на обнаружении, исследовании и использовании в своих интересах уязвимостей и асимметрий в долгосрочном соревновании великих держав. Не останавливается Вашингтон и перед целенаправленным снижением конкурентного потенциала своих союзников и партнеров из ЕС, НАТО, Японии. Первым шагом в претворении идей новой стратегии является так называемая «всесторонняя оценка» собственной относительной позиции, а также позиций своих соперников в военной, экономической и дипломатической сферах.

Наряду с использованием американской военно-экономической мощи, предназначенной дать отпор действиям Пекина и Москвы, роль элементов соревновательной стратегии отводится союзникам и партнерам Вашингтона, таким как НАТО, Франция, Германия, Япония и некоторым другим странам. Проводимая в отношении союзников и партнеров стратегия преследует двойственные цели: с одной стороны, помешать развитию России и Китая, с другой — создать препятствия в реализации их собственных инициатив как конкурентам США. Наряду с этим важное место отводится борьбе за влияние на Индию, предпринимаются шаги по дестабилизации Ирана.

Важным фактором трансформации мировой политики стало появление документа новой американской администрации Дж. Байдена «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности»².

Сравнение этого документа с доктринальными установками по вопросам национальной безопасности ряда предыдущих администраций — Д. Трампа, Б. Обамы, Дж. Буша-мл. — показывает высокую степень идеологизированности документа, определенный возврат в нем к фразеологии «либерального глобализма», а также желание авторов в максимальной мере дистанцироваться от наследия администрации Д. Трампа, по крайней мере, на уровне риторики.

Наряду с анализом острых внутренних проблем США во «Временных указаниях» нарастающее внимание уделено Китаю как все более

---

² *Байден Дж.* Временное стратегическое руководство по национальной безопасности (Biden D. Interim National Security Strategic Guidance MARCH 03, 2021). URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance> (дата обращения: 12.03.2021).

важному вызову и угрозе для позиций США в мире по всем основным параметрам мощи и влияния. Оценки Китая как соперника и угрозы для интересов Соединенных Штатов в этом документе Байдена во многом аналогичны тому, что имело место в публичных оценках и установках администрации Трампа.

В документе администрации Дж. Байдена подчеркивается, что «Китай особенно становится все более уверенным в себе», что КНР — это «единственный соперник», который способен, «комбинируя экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь», бросить «устойчивый вызов США».

Пентагон стремительно накачивает оружием Азиатско-Тихоокеанский регион (далее — АТР) и объявил о новой Тихоокеанской инициативе сдерживания. Вашингтон в 2021 г. создал в АТР новый англосаксонский военно-политический альянс в составе США, Великобритании и Австралии (AUKUS), формально направленный против Китая и одновременно несущий угрозу России. В регионе также функционирует четырёхсторонний стратегический форум для диалога по безопасности с участием США, Австралии, Японии и Индии (QUAD, QSD). Вашингтон вплотную подошел к тому, чтобы сформировать в регионе военный блок, который станет аналогом НАТО в Азии. И хотя заявленная цель — сдерживание Китая, это серьезно скажется и на безопасности России. С 2020-го американские ВМС одновременно разворачивают в регионе сразу три авианосные ударные группы. На авиабазу Андерсен на Марианских островах периодически перебрасывают стратегические бомбардировщики В-52, В-1 и В-2. Иногда здесь дежурят до 15 самолетов — носителей ЯО.

Оценивая перспективы сдерживания Китая, документ признает, что США вряд ли смогу что-либо сделать, чтобы предотвратить превращение КНР в «первую экономику мира» уже к концу текущего десятилетия (примечательно, что если до пандемии COVID-19 приблизительные сроки смены лидера в глобальной экономике, как правило, определялись как середина 2030-х гг., то после пандемии они сдвигаются на 2027–2028 гг.). Многие американские эксперты и политики подчеркивают нарастающее противоборство между США и Китаем в сфере естественных наук и высоких технологий. Речь в том числе идет о технологиях связи пятого поколения, о технологиях ИИ, квантовых технологиях, суперЭВМ, биотехнологиях и др. Именно поэтому американо-китайская конкуренция в сфере высоких технологий способна стать более важным и более долгосрочным направлением противостояния Вашингтона и Пекина, чем традиционные торговые войны. В связи с этим документ дает установку на консолидацию союзников

США против Китая путем формирования единого фронта союзников и партнеров для политического, экономического, технологического и военного противостояния КНР. Если администрация Трампа делала акцент на двусторонние договоренности с союзниками США, то для администрации Байдена, по всей вероятности, более характерными станут попытки укрепления многосторонних механизмов, в том числе и в Азии.

В числе тех стран, которые бросают вызов США, присутствует и Россия, которая, по словам авторов данного документа, стремится увеличить свое «глобальное влияние». Россия упоминается в документе существенно реже Китая и, главным образом, в «китайском контексте» — т.е. как дополнительный ресурс, на который Пекин может опереться в проведении своей антиамериканской стратегии. «Российский вызов» воспринимается преимущественно как избирательный. Россия в этом документе Байдена предсказуемо обвиняется в действиях по «подрыву стабильности» в отдельных регионах мира и по «вмешательству» во внутривнутриполитические процессы внутри самих Соединенных Штатов. При этом американские стратеги исходят из того, что в ближайшем будущем уровень координации российской и китайской внешней политики будет повышаться, а военно-техническое сотрудничество между двумя странами будет расширяться.

Среди географических приоритетов в документе Байдена отмечаются Индо-Тихоокеанский регион (что опять же прежде всего связано с Китаем), Европа и Западное полушарие. Только после этого говорится о Ближнем Востоке и Африке. По-видимому, деятельность администрации в Африке и даже на Ближнем Востоке будет строиться «по остаточному принципу» и в целом оставаться в русле установок предыдущей администрации (хотя нельзя исключить возникновения дополнительных сложностей в отношении США с такими странами как Саудовская Аравия и Турция по вопросам прав человека).

Говоря об инструментах внешней политики США, авторы этого документа на первое место поставили дипломатию. При этом по-прежнему весьма важная роль в стратегии национальной безопасности США отводится военной силе, которая должна быть «умной и дисциплинированной». Говорится о том, что при этом военная сила должны быть «крайним средством». Применительно к политико-военному противостоянию США с Россией и Китаем в этом документе Байдена подтверждается курс на перенос главного центра тяжести в военном планировании из Евро-Атлантического в АТР, а также с высокой степенью вероятности на перераспределение ресурсов военного бюджета от сухопутных к военно-морским силам. Эти сдвиги будут сопряжены с ожесточенной борьбой внутри американского военного ведомства и

займут длительное время. Можно предположить, что Соединенным Штатам будет очень трудно эффективно соперничать с Китаем по потенциалу военно-морских сил в восточной части акватории Тихого океана, особенно учитывая те сложности, с которыми столкнулись несколько флагманских проектов модернизации американских ВМС в последние годы.

В документе просматривается идея высокотехнологичной гонки вооружений, где, как считают многие в США, у них еще есть преимущества. Де-факто это может быть продолжением «третьей стратегии компенсации», принятой при администрации Обамы и продолженной на деле администрацией Трампа. Эти действия будут носить, прежде всего, антикитайский и антироссийский характер.

Обращает на себя внимание тезис о прекращении «вечных войн», которые вели и ведут США, однако этот тезис скорее всего трудно реализуем в силу огромной инерционности американской внешней и военной политики. Вместе с тем можно предположить, что администрация Байдена, как и администрация Трампа, будет стремиться избегать значительного прямого вовлечения ВС США в конфликтные ситуации за рубежом.

По-видимому, впервые в американском официальном документе высшего уровня присутствует понятие «серая зона», где будет разворачиваться едва ли не основное противоборство США прежде всего с Китаем и Россией.

Формулы противоборства государств в СЗ в течение нескольких лет активно отработывались в таких влиятельных исследовательских центрах США, как «РЭНД Корпорэйшн», Центр стратегических и международных исследований, Центр новой американской политики безопасности. Противоборство в СЗ предполагает активное использование информационно-пропагандистских, экономических, политико-дипломатических и других средств до порога прямого применения военной силы.

Внимание в США к противоборству в СЗ связано с тем, что у подавляющей части американского «политического класса» присутствует понимание особой опасности для самих Соединенных Штатов прямого военного столкновения США с Россией и Китаем, значительно нарастившими свою военную мощь. При этом в США у многих политиков (и военных) присутствует понимание того, что эскалация насилия в противостоянии Соединенных Штатов с РФ и КНР может носить непреднамеренный и непредсказуемый характер, чреватый катастрофическим для всех ядерным конфликтом.

В противоположность доктринальным установкам администрации Д. Трампа в документе Байдена говорится о том, что новая админи-

страция предпримет шаги по уменьшению роли ЯО в стратегии национальной безопасности. Напомним, что при Трампе произошло снижение «ядерного порога», было осуществлено развертывание ядерных боезарядов «малой мощности» на ракетах «Трайидент II», предпринимались шаги по подготовке к возобновлению в США натуральных испытаний ЯО и т.п.

При новой администрации возможно усиление внимания к роли высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении, особенно к гиперзвуковым средствам поражения. Возможна активизация мероприятий в рамках концепции «неядерного быстрого удара», которая с соответствующими НИОКР в разных модификациях разрабатывается в США уже около 20 лет. Упомянутые средства могут быть использованы как инструменты стратегического неядерного сдерживания.

Следует обратить внимание на присутствие во «Временных установках» Байдена понятия «стратегической стабильности» скорее всего в ее классической интерпретации. Это понятие практически исчезло из лексикона администрации Трампа, в том числе на соответствующих переговорах с российской стороной. Поэтому, по-видимому, российско-американские консультации по вопросам стратегической стабильности имеют больше перспектив при Байдене, чем они имели при Трампе.

Гибридизация и международная безопасность. Наряду с глобализацией и информационно-коммуникационной революцией на состояние международной безопасности и на политику сдерживания серьёзное влияние оказывают процессы гибридизации современной мировой политики, выступающие в качестве важного детерминанта. Феномен гибридизации представляет собой одну из общих черт изменений в характере мировой политики, в составе и компетенциях действующих лиц и позволяет по-новому оценить влияние событий на трансформацию международных отношений³. Процессы гибридизации охватывают отдельные организации, действующие в сферах обеспечения международной безопасности, экономической, финансовой, культурной, экологической и некоторых других.

Гибридизация в сфере обеспечения международной безопасности представляет собой способы, с помощью которых существующие формы международного взаимодействия суверенных государств (двухсторонние и многосторонние отношения, международные организации, коалиции и союзы) отделяются от сложившейся международной

³ *Манойло А.В.* Гибридизация мировой политики // Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Горячая линия – Телеком, 2017. С. 352.